

Олег Губарь

Функции Одесского строительного комитета

в контексте истории градостроительства
Одессы*

Пансион на семи ветрах**

(дома Поззи, Кирьякова, Андрияша, Акацатовой,
недвижимость семейства Россет, дом Черновой)

1.

Если говорить о забегаловке «Семь ветров» – в точку: как о месте, так и о людях. Стоит она не на перекрестке, не на «*пяти углах*» даже, как легендарная развязка старого Петербурга, а много круче. В створе улицы Гулевой, на стыке Коблевской и обширной Соборной площади, куда обе интенсивно дуются. Обратная же тяга, с Соборки, еще избыточнее. Место проходное, продувное, публика ветренная. Во времена развитого социализма – ничем особо не примечательная блинная, по сути, рюмочная, каких в ту пору было немало. При недоразвитом капитализме – фактически осталась в прежнем жанре, в чем и притягательность. В двух шагах от Дерибасовской, но при этом камерно и просторно одновременно, демократично, относительно «дешево и сердито».

Постепенно, поэтапно вся тусовка продвинутых разгильдяев типа всяческих художников, музыкантов, фотомастеров, музейщиков, галеристов, пишущей братии и тому подобных типов перекочевала сюда с насиженных мест, из тяготевших к Гаванной

* Продолжение. Начало в кн. 35-41, 43, 45-47, 49, 50, 54-60.

** На семи ветрах: буквально – на открытом, продуваемом всеми ветрами месте. В переносном смысле может означать: 1) что какое-то место или человек постоянно находятся в центре событий, живут беспокойно; 2) человека легкого на подъем, не имеющего привязанностей, перекаати-поле.

улице кофейен и баров – «Зоси», «Ласточки», «Гаванны», «Паруса», «Этюда» и проч. В связи с вздорожанием аренды и соответственно услуг, а то и с полной ликвидацией означенных заведений – по той же причине. Жизнь берет свое, точнее, по наблюдению моего друга Саши Розенбойма, она берет как раз наше. Ушли излюбленные дешевые «наливайки», а с ними рельефнейшие персонажи: художники Юра Коваленко, Ваган Ананян, Валя Сиренко, Саша Дмитриев, композитор Женя Лапейко, поэты Игорь Павлов и Яша Качур, керамистка Катя Четчаткина. Да мало ли... Ювелир Хвостанцев... Громогласная Роксана (родственница видного историка и коллекционера Коциевского, тоже покойного), служившая реализаторшей на сувенирном базарчике в Городском саду и там же по заказу и совместительству рифмовавшая слова...

Они (мы), конечно, пропойцы, но в общем люди привлекательные, периодически полные, как непочатый шкалик. То, что как бы присутствует в пространстве, помимо интернета (он же сеть, он же паутина). Некая не виртуальная живинка. И хотя в данный момент «Семь ветров» заметно ожлобели, здесь все еще можно глотнуть и покудахтать с вялым цветом университетского истфака, грамотными музейщиками, коллекционерами, отставными растаманами и др. Здесь блистают и меркнут философ Кукуручкин, культуртрегеры Абрамов, Голубовский, Кохрихт, художники Войцехов, Волошинов, Ивченко, Гусев, Костюченко, Наумец, Милович, Ройтбурд, Чипигин и т. д. и прочее, фотохудожники Шевчук, Череватенко, Исаев, Бойко, Алекян, поэты Борушко (и его Пушкинский фестиваль в полном составе), Божко, Векслер, Попов, Четвертков (поэтам и музыкантам, как и художникам, здесь несть числа), сомелье Рубен Ашрафиан, керамисты Дмитрук, Стайников, Евстратова, академик Пойзнер, оперный вокалист Носырев, краевед Виноградов, атаман Юра и масса других достойнейших людей, вроде меня.

Мы, алкоголическая общественность, действительные члены Клуба городских сумасшедших имени Володи Дубинина, провели здесь много незабываемых часов, которые сложились в счастливые месяцы. Мы окрасили место, и оно ответило нам взаимностью. Во имя столь гармоничных отношений я и провел вполне серьезное исследование, касающееся старинного дома (собственно,

целого квартала, ограниченного улицами Коблевской, Дворянской, Садовой и Соборной площадью), где базируется офис «Семи ветров», наполнявших его лиц и учреждений в контексте определенных ретроспективных обстоятельств. Предполагаю, собеседники и собутыльники примут мои ученые записки с пониманием и благодарностью.

2.

Соборная площадь – грандиозная, циклопических для едва рождающегося на голом степном плато города размеров – предусмотрена самыми первыми планами Одессы. Планировщики, что называется, раззадорились и размахнулись. По целому ряду причин строительство шло туго. Возведение соборного храма приостановилось, приход перевели в отдаленное временное помещение, площадь представляла собой громадный пустырь. Как видно из генерального плана 1802 года¹, утвержденного монархом в 1803-м, ее периметр застраивался главным образом с будущей Преображенской улицы. Кварталы с противоположной стороны включали лишь единичные разобщенные строения.

Ситуация улучшилась после 1803 года с созданием Одесского строительного комитета, имевшего в своем составе квалифицированных специалистов, некоторые суммы и функционировавшего под эгидой демократичного де Ришелье. Но и после этого из-за недостатка ресурсов еще долго ощущался острый дефицит в более-менее комфортабельных строениях для размещения различных учреждений, квартирования чиновников и офицеров. Формировались, мужали административная, социальная, коммерческая инфраструктуры, что требовало все новых и новых казенных зданий и сооружений. Помимо дорогостоящей гидротехники были необходимы крепость, казармы, склады, адмиралтейство, морская таможня и сухопутные таможенные заставы, карантин, маяки, мосты, колодцы и пруды, административные здания (включая дома для генерал-губернатора, градоначальника и их канцелярий, Думы, полиции, тюремного замка, пожарной команды, почтовых служб, того же Строительного комитета и др.), биржа, банк, военный и гражданский госпитали, богадель-

ня, храмы, учебные заведения, типография и проч. Поэтому состоятельные домовладельцы уже на первом этапе существования Одессы сдавали свою недвижимость в аренду.

История «Семи ветров», где кучкуется интеллигентная публика, мистически, как теперь говорят при каждом удобном и неудобном случае, сопрягается с начальным этапом формирования системы городского просвещения. Учитывая очень конкретное функциональное назначение города, она начиналась 16 апреля 1804 года с коммерческой гимназии², в которой, понятно, наблюдается довольно широкая палитра сословного представительства. В составе воспитанников (1806-1809) – дети служивых и не служащих дворян, чиновников, священников, купцов, иностранных подданных.³ Примерно тогда же французом Пьером де Вольсеем был основан частный благородный пансион, и тоже под опекой де Ришелье. При этом публика явно отдавала предпочтение частному учебному заведению, в котором потому и было больше воспитанников: в 1805-м – 43⁴.

Сюжет этот в общих чертах довольно хорошо проиллюстрирован в регионально-исторической литературе. Хочу обратить внимание на другое важное обстоятельство: хотя благородный пансион был частным учебным заведением, администрация города и края безвозмездно обеспечивала его помещениями – учебными, жилыми, служебными. В противном случае оно просто не сумело бы выжить по указанной выше причине – высокой арендной плате на крайне дефицитные комфортабельные помещения.

Коммерческая гимназия, из которой вырос Ришельевский лицей, получила под заселение одно из первых масштабных казенных строений – «дом главного воинского начальника» меж будущими улицами Дерибасовской, Екатерининской и Ланжероновской, перестроенный и переоборудованный за казенный же счет, а затем еще и отреставрированный после пожара⁵. Это тоже известный мотив, на котором нет нужды останавливаться, имея, однако, в виду, что на время восстановления сказанного здания гимназия временно находилась в другом месте. Под нее и пансион Вольсея Одесским строительным комитетом арендовались солидные частные дома. Какие? Два первых адреса – дома Кирьякова и Андрияша. Что за люди и где находились здания?

3.

Михаил Михайлович Кирьяков (1766-1825) – один из основателей Одессы, сподвижник де Рибаса и де Ришелье, главный надзиратель Комиссии (Комитета) по отстройке гавани (1800), директор Хаджибейской (Одесской) таможни, херсонский губернский предводитель дворянства, пушкинский знакомый⁶, владелец имения Ковалевка, коллежский советник и т. д. и прочее. Застройщик архаической эпохи, он в разное время получил несколько участков. Интересующее нас место застроено меж 1802-м и 1805-м годами. Дом Кирьякова отсутствует на упомянутом выше плане Ферстера 1802-1803 гг., но четко отмечен на плане Фраполли 1807-го⁷. Мы можем даже получить некоторое представление о его внешнем облике.

Дело в том, что в период катастрофической чумной эпидемии 1812-1813 годов Кирьяков утратил владельческие документы на это строение. В 1816-м он обратился в Строительный комитет с прошением, в котором, между прочим, пишет: «На оных (местах. – О. Г.) выстроен был много прежде дом с деревянным верхним этажом, который уже по ветхости сломан, и вместо одного выстроил я имеющийся ныне каменный. Бумаги о сем, какие были, во время чумы затеряны, а как в подтверждение всего владею я оными местами и строением на них гораздо более десяти лет, то уже никакого стороннего претензии к оным быть не может».⁸ В первичном строении с деревянным верхним этажом и располагался на первых порах благородный пансион. В 1806 году Кирьяков получал от Комитета солидную арендную плату – 500 рублей в полугодие⁹. Новый дом Кирьякова на углу Коблевской (нечетной) и Дворянской (нечетной) сохранился до сих пор, это поистине живое пушкинское место.

Андрияш – фигура практически неизвестная. Но поскольку каким-то чудом сохранилось описание его могилы на разрушенном в середине 1930-х первом Городском кладбище, постольку я собрал о нем кое-какую информацию в ходе написания монографии об этом погосте.¹⁰ Константин Иванович Андрияш (Андрейш, Андрияш), полковник, надворный советник (в 1799-1800 гг. – титулярный советник), служил в Одесской портовой таможне, одесский старожил, домовладелец и землевладелец (хутор

в 25 десятин на Водяной балке, близ пудренной фабрики Пишона, с разнообразными строениями, загонами для скота, птичниками, сельскохозяйственными орудиями, посудой, колодцами, скотом, домашней птицей, топливом, лесоматериалами и прочим он приобрел 3 октября 1799 года и владел им, по крайней мере, в 1808-м), попечитель сооружаемой соборной церкви во имя Святого Николая, венгр по происхождению. Скончался 21 июля 1812 года. Супруга, наследница его, не позднее начала декабря 1814 года вступила в брак с губернским секретарем Базыкиным. В 1806-1814 годах город арендовал принадлежавшие ему, а затем его наследникам дома на углу нынешней Соборной площади и Садовой улицы для размещения благородного пансиона и девичьего училища. В 1809 году в этом училище воспитывались Элиза (6-ти лет) и Севастьяна (9-ти лет) Пети-Андрияш. Синхронно с Кирьяковым Андрияш получал за аренду дома равнозначные суммы.¹¹

4.

Здесь мы понемногу переходим к основной теме наших «ученых записок» – домам, занимаемым Девичьим училищем, а точнее – девичьим отделением благородного пансиона. Если называть вещи по именам – первичным Одесским институтом благородных девиц. В каком из двух названных домов учились мальчики и юноши, а в каком девочки и девушки? Вероятно, девочки изначально обосновались в старом доме Кирьякова. Почему? 4 марта 1809 года в Строительном комитете слушали доклад директора гимназии Вольсея о намерении заведения девичьего пансиона в доме надворного советника Андрияша. Ришелье распорядился отпускать ежегодно в продолжение четырех лет по 1.500 рублей из городских доходов.¹² Следовательно, раньше он находился в другом наемном доме.

Девичье отделение возникло почти одновременно с мальчиковым, с санкции де Ришелье. При чем руководила им супруга де Вольсея. Как самостоятельное учебное заведение оно выкристаллизовалось на рубеже 1809-1810 годов. На исходе 1810 года де Вольсей и его супруга оставили Одессу, управление обоими институтами приняла на себя административная комиссия.

«Управление женским институтом было поручено г-же Поцци, образованной русской даме, умевшей снискать себе в городе большое доверие; она же заведовала приходом и расходом сумм, давая отчет членам административной комиссии».¹³

Убедительные архивные первоисточники однозначно фиксируют пребывание автономного Девичьего института в доме Андрияша, но к этому мы еще вернемся. Сейчас нас будет интересовать семейство Pozzi, каковую итальянскую фамилию я вне ретроспективных цитат позволю себе озвучивать облагорожено – Поззи, хотя это вряд ли согласуется с правилами транслитерации. Анастасия Дмитриевна Ризо, воспитанница одного института с 1810 года, представительница известного рода, в честь которого поименована улица Ризовская, вспоминала: «Учение прекратилось (в период эпидемии чумы. – О. Г.); осталась директриса Поцци с мужем и взрослою дочерью. Сам Поцци учил пению, добрый славный учитель, а дочь смотрела за воспитанницами. Мадам Поцци, слабого здоровья, редко выходила к нам, а дочь ее была строгая: мы боялись ее. Мы больше сидели на втором этаже, сильно скучали за герцогом (де Ришелье. – О. Г.)».¹⁴

Хотя дом Андрияша был двухэтажным, однако не удовлетворял запросам Девичьего благородного института. Натерпевшись, супруги Поззи обратились в Строительный комитет с деловым предложением: если Комитет выдаст им ссуду на строительство надлежащего здания со службами для института под соответствующие проценты, то пусть далее пользуется этим домом до той поры, пока владельцы не погасят свой долг в соответствии с ежегодными вычетами арендной платы. Другими словами: вместо того чтобы то и дело нанимать и постоянно приспособливать разные приватные здания, выстроить именно то, что требуется. Несмотря на солидный расход, предложение это было целесообразно и выгодно в перспективе.

Вот тут-то и начинается собственно история «Семи ветров».

5.

Искомое место отведено «24 июля 1811 года по незастроению майором Дахновым» в ответ на запрос от 26 июня¹⁵. «Образованная русская дама», госпожа Поззи едва ли была русской. Во вся-

ком случае, 1 июля 1812 года «иностранка Катерина Оставевна Поццы» обращается в Строительный комитет (прошение подписано супругом Шарлем Поззи) с жалобой на соседа майора Дахнова, который мешает ей осуществить строительство напротив церкви Святого Николая. Строптивый вояка построился раньше по нынешней улице Коблевской – места отведены в 1802-м, в 1810-м его дом находился в залоге¹⁶, – однако не освоил все пять выделенных ему участков. На самом углу вместо дома находился лишь сарай, а потому по существующим правилам два не застроенных плановым домом места отобрали и передали в другие руки, но с тем чтобы новый владелец компенсировал прежнему хозяину затраты по каким-либо фактически существующим сооружениям. Комитет и постановил, чтобы Поззи компенсировали Дахнову 150 рублей за сарай, что они и сделали 22 июля 1812-го. Тяжба, однако, продолжалась до ноября 1816-го, ибо уже дежурный подполковник полтавского ополчения Дахнов несколько раз жаловался в Петербург¹⁷.

Время выдалось более чем суровое: Одесса стояла на пороге жуткой чумной эпидемии. Строительство приостановилось,

многих воспитанниц Девичьего института разобрали родители, оставшиеся, включая Настю Ризо, оказались в заточении в доме Андрияша. Смерти вопреки в апреле 1813 года Катерина Поззи завершила строительство и 21-го числа получила владельческие документы¹⁸. Предварительно постройки освидетельствовал городской архитектор Франческо Фраполли и нашел, что они отвечают утвержденному Комитетом плану.¹⁹

По ряду причин институт не сразу выехал из дома умершего к тому времени Андрияша. Супруги Поззи не успели должным образом оборудовать новое здание и службы. Катерина болела, а в 1814-м ушла из жизни. Но еще ранее, после ликвидации эпидемии, ее сменила на посту директрисы Эмилия Майе²⁰. Контракт с Карлом (Шарлем) Поззи был заключен 30 июля 1814 года, задним числом, институт перебрался в новое помещение еще 1 апреля. Дополнительные работы по дому осуществлялись под началом Фраполли: деньги Строительный комитет отпускал в счет аренды, то есть они вычитались из нее, что было вполне справедливо. Так, 24 августа 1814 года Фраполли получил под расписку 1.000 рублей, однако издержал вдвое. Помимо отдельных достроек, штукатурных и прочих работ выкопали погреб объемом в 10 кубических саженьей, облицованный шестивершковым камнем.²¹

Предусмотренные работы были завершены оперативно осенью, что не мешало функционированию Девичьего института на новом месте. Успевший полюбоваться этой симпатичной новостройкой и ее обитательницами де Ришелье оставил Одессу, не предполагая, что больше не вернется. Временным градоначальником герцог назначил небезызвестного генерал-майора Ф.А. Кобле, военного коменданта, старожила, любимца одесситов, дочь которого, Клавдия, такая же, как отец, добрячка, училась в институте в это самое время. Оставленный институтом дом, у которого Кобле выставил караул, дабы ничего не растащили, Фраполли должен был сдать по описи бывшей жене покойного Андрияша губернской секретарше Базыкиной²². Ранее, в октябре 1813-го, «надворная советница Андреяшева» напоминала Комитету о том, что ей недоплатили 3.000 рублей за аренду.²³

Что касается Поззи, им ничего не надо было принимать по описи: оставалось только ждать, пока долг рассосется. Каким

образом? Карлу Поззи была выдана сумма 42.177 руб. 33 коп. из суммы, пожертвованной бароном Штиглицем «на построение такого дома, в котором можно было поместить девичий пансион: ибо ни город не имел приличного строения, ни Комитет не был в возможности построить оный»²⁴. В соответствии с упомянутым контрактом арендная плата за четыре года, начиная с 1 апреля 1814-го, составляла 16.000 рублей, она-то и вычиталась из суммы общего долга²⁵. За вычетом средств, потраченных Фраполли на доработки. И так далее, до полной компенсации.

В 1818 году Комитет заключил с наследниками Поззи следующий арендный контракт – на пять лет, но в силу роста цен уже из расчета 6.000 рублей ежегодно²⁶. Карл Поззи к этому времени тоже умер. Наследники – дочь Мария и сын Александр (в архивных документах он дважды назван Александром и один раз Алексеем). О сыне я пока не нашел никаких сведений, а вот о Марии, впоследствии единоличной наследнице, кое-что известно. Если помните, Анастасия Ризо говорит о взрослой дочери директрисы, строгой надзирательнице. В перечне воспитанниц Девичьего пансиона от 22 декабря 1809 года значится «Мария Поцци (9 лет)»²⁷. Сама Ризо родилась 17 апреля 1801 года²⁸, то есть максимальная разница в их возрасте может составлять год с небольшим. Казалось бы, напрашивается вывод о наличии старшей сестры Поззи, но это не факт. Ризо отдали в институт маленькой дикаркой. Явившиеся с периферии дети молдавских и валашских бояр, а равно благородных греческих семейств вообще робели в окружении отпрысков российских аристократов и просвещенных иностранцев. А потому дочь директрисы вполне могла восприниматься как старшая.

6.

Порядки в институте были строгие, девочек держали в черном теле, готовили высоконравственных чопорных дам, много внимания уделяли рукоделию, сурово наказывали за малейшие провинности. Благородные девицы вообще жили изолированно, а первый выезд в свет становился одним из важнейших событий в жизни. И к этому акту готовили загодя и очень тщательно. Даже в 1836 году Лермонтов вполне определенно указывает, что

малейшее отступление от светских правил каралось с невероятной жестокостью. «Некстати пришитый бант, не на месте приколотый цветок мог навсегда разрушить ее (начавшей выезжать девицы. – О. Г.) будущность... И в самом деле, может ли женщина надеяться на успех, может ли она нравиться нашим франтам, если с первого взгляда скажут: elle a l'air bourgeois... (у нее вид мещанки) – это выражение, так некстати вкравшееся в наше чисто дворянское общество, имеет, однако же, ужасную власть над умами и отнимает все права у красоты и любезности».

Потому-то первый выезд в свет становился для молодой «комнатной» девушки строжайшим экзаменом – без какой-либо надежды на переэкзаменовку. «Между тем наступила осень. В Кашине готовились соборья, – вспоминает Т.П. Пассек (1824-1825). – Толки о нарядах выступали на первый план. Мне приготовили к первому балу белое дымчатое платье и полураспустившуюся розу к поясу». Юниорка имела блистательный успех: «Слава о моем танцевальном искусстве долетела до карточных столов. Чтобы посмотреть в мазурке на пансионерку, как меня называли, вставали из-за карт».

«То был великий день: семнадцать лет!
Все, что досель таилось за решеткой,
Теперь надменно явится на свет!
Старик отец послал за старой теткой,
И съехались родные на совет;
Их затруднил удачный выбор бала:
Что, будет двор иль нет? Иных пугала
Застенчивость дикарки молодой,
Но очень тонко замечал другой,
Что это вид ей даст оригинальный;
Потом наряд осматривали бальный».

(Лермонтов, 1840)

И все же дикарка юная, Татьяна, дала-таки маху – по детской своей непосредственности: и вальс, и мазурку, и кадрили танцевала она с одним и тем же симпатичным ей кавалером, что, оказывается, считалось верхом неприличия. Возвратившись домой с бабушкой, которая

ее и «вывозила», «пансионерка» подверглась основательному разносу с угрозой категорического запрета посещать светские собрания. Любые оправдания резко обрывались возгласом «Молчать, кокетка!».

Первый выезд сопровождался также серией интригующих «экспромтов», загодя приготовленных опекунами, стремящимися не продешевить на этой светской презентации потенциальных невест. Вот изысканная реплика, отлично рисующая сии замуфлированные хитрости (1824 г.): «А эта придворная фанаберия увозить из мазурки пур се фер дезире (pour se fair desirer) – «чтобы вас пуще желали», – она нарочно картавила французские слова на русский лад. – Знаю и все понимаю: старого воробья на мякине не проведешь!» (Е.А. Сабанеева).

Выращенная в светской оранжерее, вышколенная на «куртагах» (приемных днях при дворе), супруга одесского градоначальника графиня Гурьева и дамы ее круга, конечно, чувствовали себя в Одессе неуютно: «На днях у меня была дама, – пишет графиня из Одессы 30 декабря 1822 г., – которая ела взбитые сливки и желе вилок и ножом. А другая после первого визита спросила меня, не желаю ли я быть с нею на дружеской ноге, на что я ей ответила: конечно, нет. Вот, дорогая матушка, каких дур мне приходится видеть!».

Сюда кстати подверстывается великолепный иронический монолог Смирновой-Россет: «Ах, губернские барышни! Как вы милы, вы приезжаете на бал с стоптанными башмаками, которые привязываете грязной ленточкой то и дело, чтоб идти в уборную губернаторши, где берете ее гребни, помаду, духи и одеколон; даже просите ее старых башмаков, и все это, чтобы потанцевать с пробирмейстером Бранденбургом или с Петром Петровичем Гильфердингом, а может, о счастье, с красивым Александром Кояндером, а может быть, с Жабовым...».

Ах, одесские барышни, восклицает вслед В.И. Туманский. «Замужние наши женщины (выключая прекрасную и любимую госпожу Ризнич) дичатся людей, скрывая под личиной скромности или свою простоту, или свое невежество; девушки в обхождении своем не умеют стать на настоящую точку: одни дики или грубы; другие слишком вольны, и слишком рано постигают вещи, которых не заботятся скрывать (...). Особливо гречанки меня утешают. Недавно еще покинув землю, где женский пол не имеет

общественного существования, – оне вдруг хотят насладиться всею свободою оною. Такая жадность в них простительная – как жадность невольника, впивающего в себя свет и воздух после долгого заключения».

Но как, впрочем, очаровательны простодушные потуги «эллинок» на светскость. Как умилительно их французское лепетанье, шутовской наряд, неловкие телодвижения, балаганная пляска, продолжает Туманский. Называются даже конкретные имена, причем хорошо знакомые историкам и пушкинистам (впрочем, не только гречанок): княжна Мурузи, девица Гик, Констанция Кирико, София Гипш, Елена и Зинаида Бларамберг. Поневоле припоминаешь пушкинские *экскурсии* по местным, скажем так, меблированным комнатам, причем поэт выступал как чичероне для своих кишиневских приятелей.

7.

Но вернемся к Марии, которая в архивных документах фигурирует как основная наследница Поззи. В 1818 году, когда ей было 18 лет, она уже значится супругой капитана Арнольди²⁹. О нем тоже есть что сказать.

Общеизвестно, что Иван Карлович Арнольди – генерал от артиллерии, весьма заслуженный воин и в то же время довольно безнравственный господин, был вторым мужем (1815) Надежды Ивановны Россет, урожденной Лорер, матери знаменитой пушкинской «черноокой Россет». Не стану излагать скабрёзные подробности постыдных приставаний отчима к красавице малышке – об этом пишут все кому не лень. Меня больше занимает та генеалогическая путаница, каковую посеяли два брака Надежды Лорер и три Ивана Арнольди. Специалисты до сих пор не могут разобраться, какие дети (и сколько) от кого произошли. Так, их совместных сыновей нередко называют не единоутробными, а сводными братьями Александры Осиповны Смирновой-Россет, предполагая, что они родились в первом браке Арнольди. Карты путает и третья его женитьба, после кончины Надежды Ивановны (1825).

Все это, безусловно, занимательно, но для нас важно знать другое: каково родственное отношение этого Арнольди к супругу Марии Карловны Поззи? Разобраться не столь уж трудно, ибо

фамилия Арнольди не так часто встречается в России начала XIX столетия. Это один из младших братьев Ивана Карловича – Петр, Осип (Иосиф) или Павел; все трое боевые офицеры. Младший отпадает сразу, ибо начал службу юнкером в декабре 1813 года, в 1814-м был произведен в прапорщики и не мог в мирное время дослужиться до капитана в четыре года. Судьба Осипа после наполеоновских войн пока не прослеживается. Остается Петр Карлович. Действительно, военную службу он начал в 1801 году юнкером, в 1808-м был подпоручиком, а далее получал боевые ордена и производства в ходе военных кампаний. Был еще, правда, старший брат Александр, но в 1800-1801 годах он числится уже штабс-капитаном, а затем следы его совершенно теряются.³⁰

Занятое совпадение. Иван Карлович Арнольди, отчаянный вояка, корыстолюбец, хам и волокита, в сражении под Лейпцигом был ранен в левую ногу, остался в строю, получил второе ранение в ту же ногу (ядром) и сделался инвалидом. Ходил он на деревяшке, стук которой позже так пугал маленькую Сашеньку Россет, однако продолжил службу, причем превосходно ездил верхом. Его брат Петр Карлович дважды ранен в правую ногу – в 1807-м и в 1813-м, но, к счастью, избежал ампутации. А еще говорят, что пуля дважды в одно и то же место не попадает... Иван и Петр, как и Павел, – награждены орденами Святого Георгия, многими другими, золотым оружием.

При каких обстоятельствах могли познакомиться Иван Карлович Арнольди и Надежда Ивановна Россет, урожденная Лорер? Вероятно, через Поззи, ибо Надежда, конечно, посещала упомянутые выше учебные заведения, в которых воспитывались ее младший брат Дмитрий Лорер³¹ и двоюродная сестра Любовь Лорер, соученица и ровесница Марии Поззи³². Между прочим, это тот самый Дмитрий Иванович Лорер, супруг княжны Варвары Григорьевны Волконской, который впоследствии был предводителем дворянства Херсонской губернии, сердечно опекал своего брата-декабриста Николая Ивановича Лорера и даже завещал ему родовое имение³³. Тут вся хронология сходится: брак Н.И. Россет с И.К. Арнольди, знакомство и брак М.К. Поззи и П.К. Арнольди по окончании военных кампаний. Марии на тот момент было около 18-ти, а Петру около 30-ти, вполне в традициях эпохи.

Наши расчеты убедительно подтверждаются воспоминаниями Сашеньки Смирновой-Россет, которая рассказывает, как на их приморский хутор прибыл капитан Петр Карлович Арнольди с сообщением о женитьбе своего брата на вдове Россет³⁴. В цитируемом мемуаристкой дневнике матери упоминается «юнкер Поцци», то есть брат жены П.К. Арнольди, какового Надежда Ивановна направляла с поручением к госпоже Поджио, супруге Витторио Поджио, делового партнера Осипа Россета³⁵.

8.

Здесь появляется повод обсудить несколько очень любопытных вопросов, в продолжение многих и многих лет так и не решенных исследователями, и в первую голову – пушкинистами. Это, прежде всего, локализация местоположения городского дома отца А.О. Смирновой-Россет, а также судьба хутора и недвижимости в целом. Занимаясь этой проблематикой несколько десятилетий, я, по счастью, нашел четкие и однозначные ответы.

Путаницу вносят «показания» самой Сашеньки, воспоминания которой относились к ранней поре детства и грешат анахронизмами. Так, она говорит о маленьком доме на Дерibasовской улице, скорее всего, отождествляя родительский кров с одноэтажным домом близкой к ним госпожи Попандопуло, который действительно находился в ту пору на углу нынешних улиц Дерibasовской и Гаванной. Такое предположение покажется более убедительным, если учесть замечание Смирновой о житье неаполитанской королевы Марии-Каролины во время ее одесского пребывания (1813 г.) в «карантинном доме», чего, конечно, не могло быть ни по соображениям этикета, ни по чисто техническим причинам. Но царственная особа вполне могла обитать в доме карантинного начальника О.И. Россета, и тогда его семейство должно было на немалый срок переместиться в другое обиталище, скажем, в дом генеральши А.А. Попандопуло³⁶.

Архивные разыскания подтверждают такую точку зрения, ибо собственный дом Россета, как выясняется, находился именно возле Карантина. Впрочем, упоминание этой недвижимости как раз в год рождения Сашеньки (1809) снова вносит сумятицу в лока-

лизацию: запись в журнале Одесского строительного комитета от 12 марта упоминает находящийся в залоге по контрактам (подрядам, очевидно, заключенным Поджио) «дом коллежского советника и кавалера Россети, состоящий на Военном форштате под № 557-м», оцененный в довольно значительную по тем временам сумму 15.550 рублей³⁷. Квартал не указан, однако номер означает место, как раз примыкающее к дому Попандопуло по Дерибасовской! Тем не менее дома на этом участке не было и быть не могло, поскольку это место, как и три смежных, по Дерибасовской и Ланжероновской, относилось к Коммерческой гимназии, а далее к Благородному институту (Ришельевскому лицей). Тут был гимназический, затем институтский и лицейский сад, каковые четко и однозначно показаны на синхронных городских планах³⁸.

У меня нет точного объяснения таковой нумерации, а лишь предположение об отводе сказанного места под застройку Россету в том же году, что и тогда еще полковнику Попандопуло (1802). В конце этого года Россет и появился в Одессе. Затем, когда примыкающий справа «дом главного начальника» (де Рибаса) передали гимназии, карантинному начальнику отвели другое, весьма удобное место, а это, еще не застроенное, передали учебному заведению, однако прежний номер ошибочно сохранился за новыми строениями. Как бы то ни было, дома Россета тут быть никак не могло.

Смирнова-Россет сообщает о том, что отец ее скончался от чумы, однако сие вызывает большие сомнения, ибо Осип Иванович ушел из жизни в конце 1813 года, через много месяцев после ликвидации катастрофической эпидемии. Россет еще принимал участие в заседании Строительного комитета 20 ноября, далее отсутствовал (заседания проходили как минимум дважды в неделю, и присутствие карантинного начальника было обязательным), а умер 10 или 11 декабря³⁹. Следовательно, Россет болел около трех недель, что не вяжется со скоротечностью бубонной чумы. Вероятно, пронзительные детские воспоминания накладывались друг на друга, тем более для ребенка, находившегося в самой гуще событий, отсюда соответствующие ассоциации. Вообще трудно себе представить единичный случай заражения чумой в конце 1813 года, да еще пережившего катастрофу опытейшего карантинного инспектора.

С начала весны 1812 года Строительный комитет арендовал дом О.И. Роскета для жительства разыгрывавшей в Городском театре простенькие водевили труппы русских актеров. Из журнала комитетских заседаний от 28 сентября 1814 года видно, что к этому времени накопился долг перед домовладельцам за два года и семь месяцев, из расчета 600 рублей в год, итого 1.550 рублей.⁴⁰

Теперь перейдем непосредственно к разгадке местоположения этого дома, каковое связывает несколько любопытнейших сюжетов ранней истории Одессы. Начну с цитаты из первого серьезного исследователя истории плановой застройки города В.А. Чарнецкого: «Как видно из «Автобиографии», семья Смирновой-Россет, владея домом на Дерибасовской, проживала в казенной квартире в карантине, и только после кончины отца переселилась к себе. Вполне естественно, что, проживая в карантине, Россет где-то там же разместил и типографию, которая, конечно, обслуживала и карантин. Потому-то в реестре 1811 г. она и числится за карантинной конторой. Оставшись без хозяина, да еще и на казенной площади, типография оказалась в тягость семье. А потому была спешно продана, хотя Роскеты прожили в Одессе еще более трех лет».⁴¹

Покупка городом частной типографии покойного Роскета – отдельная история. Здесь же бросается в глаза вот что. При всем уважении к авторитетному краеведу и логичности его построений, с ними никак нельзя согласиться. Дело не в том, что Смирнова-Россет нигде не называет обиталище своего семейства в карантине казенной квартирой, а в том, что, будучи одесским домовладельцем, карантинный инспектор вообще не мог иметь такой квартиры! А «квартира» понадобилась бы изрядная. Не говоря уже о том, чтобы «где-то там», на дефицитнейшей казенной площади, помещать приносящую доход частную типографию. Такое даже в голову не могло прийти столь добросовестному чиновнику и человеку чести, каким был Россет.

Таким образом, он имел собственный приличный дом неподалеку от Карантина. Обнаруженная архивная информация убедительно демонстрирует, что так оно и было на самом деле. В литературе иногда упоминается находившийся на Приморском бульваре, в районе нынешней Думы (старой биржи), дом

(комплекс построек) надворной советницы Черновой⁴², в котором как раз квартировали актеры Городского театра. Поэтому я и заподозрил: а не это ли искомый объект, и продала ли его Надежда Ивановна Россет после брака с небескорыстным Арнольди?

Именно так. 17 августа 1818 года в Строительный комитет было подано прошение помещицы полковницы (на самом деле – очевидно, подполковницы. – **О. Г.**) Александры Черновой. Она пишет, что приобрела с публичного торгу места «на Военном форштате в I квартале по смежности одесской портовой таможни», на которых желает произвести «постройку по плану», однако не имеет представления о точных мерах. Просит, чтобы городской архитектор указал границы участка.⁴³ Здесь мы еще не видим имени прежнего владельца, которое появляется немного позже. 20 сентября 1820 года Чернова вновь повторяет свое прошение об указании ей архитектором границ местам. При этом она прямо сообщает *о приобретении в 1817 году с публичного торгу дома покойного коллежского советника Россети*. Время идет, границы никак не указывают, и она не может строиться. Прошение получено в Комитете 28 сентября, резолюции нет⁴⁴, однако мы располагаем подробным синхронным планом строений, означающим, что меры определены и узаконены.

На этом плане отмечено не только местоположение всех флигелей бывшего дома Россета в масштабе, но и контуры казарм некогда располагавшегося здесь «военного городка», театра и Театральной площади, прилегающих кварталов, таможенного здания (бывший дом Мещерского). Места Черновой занимают площадь не только нынешней Думы, но и Археологического музея.⁴⁵

4 июля 1821 года коллежский советник Николай Даревский (директор Променной банковской конторы) по доверенности Черновой просил разрешения перекрыть крышу дома, доставшегося по купле от госпожи Россет. 29 июля Строительный комитет не нашел препятствий к этому, поскольку перекрываемые строения находятся «внутри двора», то есть никак не изменится облик фасада⁴⁶. Исправления были произведены, и уже с осени 1821 года дом Черновой был снова нанят для жительства актеров, в данном случае солистов итальянской оперы, состоявших в труппе

Гульельмо Буонаволио. При этом назначена довольно высокая арендная плата, 3.300 рублей в год.⁴⁷ Впрочем, Чернова успела получить лишь две трети этой суммы, ибо «доход с того дому» был арестован «по предписаниям начальства»⁴⁸.

Почему возникли некие финансовые нестыковки? Чернова приобрела дом с публичного торгу, а не прямо из рук Надежды Ивановны Россет (Арнольди). Кроме того, известно, что эта недвижимость служила залогом по подрядам. Из этого можно заключить: дом назначили в продажу на погашение долгов подрядчика, и лишь часть суммы досталась владельцам. Но из дальнейшего хода дел видно, что Чернова сполна не рассчиталась с Россет-Арнольди. Судя по всему, они по-соседски и по-приятельски (как землевладельцы) заключили словесное соглашение, однако покупщица оказалась несостоятельной. Вокруг этого дома вообще наблюдается серия неких спекуляций, что видно, например, из определения его оценочной стоимости и арендной платы за наем. Так, при оценке для назначения налога с недвижимости в городскую казну проставлена сумма 25.000 рублей, а при синхронной продаже в Херсонском губернском правлении по претензии генерал-майорши Арнольди – лишь 8.150 рублей. Что-то маловато, учитывая упоминавшуюся гораздо ранее оценку – 15.500. На этих обстоятельствах стоит остановиться поподробнее.

13 августа 1824 года в Строительном комитете заслушивалось письмо градоначальника графа А.Д. Гурьева: «...по высочайше подтвержденному плану театральной площади и строительному около нее кварталу, назначенный на оном бульвар, оканчиваемый уже отдельно, должен быть продолжен до строений, в коих помещается теперь здешняя таможня, но сему препятствует дом надворной советницы (а это VII класс, равноценный подполковнику. – **О. Г.**) Черновой, состоящий на берегу моря. Сколько к исполнению высочайшей воли о устранении сего квартала согласно плану, столько и для открытия вида на море и окончания бульвара, помянутый дом должен быть сломан, и владелица вознаграждена за убытки».

Чернова объявила, что менее 25.000 рублей не возьмет. Однако этот самый дом по претензии генерал-майорши Арнольди описан и оценен в 8.150 руб., и в Херсонском губернском правлении

назначен в продажу с публичного торгу. Поэтому Гурьев решил, что выгоднее принять в торге участие, и просил Воронцова о дозволении. Воронцов одобрил резолюцией: «сделать Черновой вознаграждение такую цену, какая будет последнею при аукционной продаже означенного дома». Для участия в торгах 4, 8 и 10 июля 1824-го был командирован надворный советник Францен (Николай Алексеевич, состоял при Гурьеве по особым поручениям). Он торговался наравне с прочими лицами, и 11 июля дом остался за ним при цене 9.625 рублей.

Однако тут возникло следующее осложнение. Комплекс принадлежавших Черновой строений приносил весьма солидный по тем временам доход – только за квартирование артистов 3.300 рублей в год. Не исключено, сдавались в аренду и другие помещения. По существовавшим же правилам, при таком раскладе назначенная на аукционной распродаже цена должна была быть соразмерна получаемой от недвижимости прибыли. «Поелику же сложность годовых доходов далеко превышает сию сумму, то от присутствия Херсонского губернского правления объявлено ему, что оно само собою утвердить ему (Францену. – О. Г.) продажи дому за 9.625 р. не может», о чем правление и уведомляет Гурьева. При этом чиновник еще и издержал на прогоны 86 руб. 40 коп., каковые ему положено вернуть.⁴⁹

Из всех этих выкладок, между прочим, явствует, что во все время одесского пребывания Пушкина солисты итальянской оперы проживали в доме Черновой, бывшем Россет, фактически находившемся на тогдашней Театральной площади, в каком-нибудь квартале от дома Рено, где поэт обитал в так называемой Клубной гостинице.

Продолжаю тему возможности махинаций вокруг «нашего дома» материалами архивного дела 1826 года под заголовком «Для сведения о том, чтобы дом полковницы Черновой, нанимаемый ныне для театральной труппы, так как оный назначен в продажу с публичного торгу, впредь не нанимать». Резюме четко обозначено в указании Строительному комитету новороссийского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова от 1 февраля: «Комитетом сим нанимаем был дом полковницы Черновой для театральной труппы; дом, назначенный по высочайше утвержденному

плану города Одессы в сломку и находящийся в ветхом положении. По высокой цене, за которую нанимаем был тот дом, я имею некоторое сомнение, не скрывалось ли тут какое злоупотребление, но как бы то ни было, желаю, чтобы на будущее время помянутый дом не был нанимаем Комитетом ни для каких надобностей. Между тем как дом сей продается с публичного торга в здешнем Коммерческом суде, а по сделанному мною распоряжению должен участвовать в покупке оного для города и Комитет чрез своего чиновника; то я предлагаю отрядить для сего инспектора Якубовского с подробным наставлением действиям его, какие он обязан будет иметь при торгах на помянутый дом...».⁵⁰

Коллежский советник Осип Андреевич Якубовский служил инспектором по канцелярии Комитета.⁵¹ Что касается подозрений Воронцова в злоупотреблении, их нельзя совершенно исключать, однако и нечем подтвердить. 3.300 рублей в год действительно кажутся несколько завышенной арендной платой, однако лишь невооруженным глазом. Судите сами, когда наш герой (и антигерой) «полковник артиллерии Арнольди квартировал без двух дней месяц» у полковника Аркудинского, была назначена арендная плата из расчета 500 рублей в месяц. Это было через два года после продажи бывшего дома Россет, в августе-сентябре 1819 года.⁵² Дома Аркудинского находились на Преображенской: один на месте Художественного училища имени Грекова, другой – на месте дома Дурьяна, на углу Херсонской. Известно, сколь дорого обходился наем домов для учреждений, чиновников, учебных и богоугодных заведений. Поэтому, учитывая, что в доме Черновой, несмотря на не особую презентабельность, имелось пять флигелей, высокая арендная плата вполне реальна. Хотя нельзя исключать и сговор хозяйки с импресарио и комитетским чиновником.

Эпопея завершилась лишь в 1828-м. 12 и 16 мая в «Одесском вестнике» опубликовано следующее официально сообщение: «От Одесской городской думы объявляется, что в оной будет продаваться дом городской, заключающий в себе пять флигелей, купленный у надворной советницы Черновой, состоящий в конце бульвара вблизи уездных присутственных мест, на сломку с очисткою места. Желающие купить сей дом на вышеизъявлен-

ном положении благоволят явиться в Думу к торгам 15-го, 16-го и 17-го чисел текущего месяца, назначенным с 9-го часа до 2-го пополудни. Мая 10-го дня 1828 года».⁵³ После ликвидации флигелей Черновой появилась возможность продолжить реализацию устройства Приморского бульвара, и в том же году началась история постройки здесь Старой биржи⁵⁴.

9.

Другой мемориальный и в целом любопытный объект, связанный с семейством Россет, Арнольди и многими видными историческими персонами, – хутор по дороге к Малому Фонтану. Мне есть о чем рассказать, поскольку и этой темой никто и никогда всерьез не занимался.

История отвода больших участков городской земли под садоводство в сказанном районе очерчена в отдельной публикации⁵⁵. Здесь напомним только, что Осип Россет владел хутором не позднее 6 июня 1804 года. Как сообщает Александра Смирнова-Россет, семья ее покойного отца жила тут в теплый сезон до 1817 года. Далее Надежда Иванова Россет (урожденная Лорер) и ее второй муж, Арнольди, постепенно продали всю одесскую недвижимость, начиная с дома на будущем бульваре. Как оказалось, вдова Россет владела не только хутором по дороге к Малому Фонтану, но и другим, на Куяльнике. Земля здесь изначально была отведена небезызвестному Витторио Поджио, тот не стал ее обзаводить, и она перешла к Осипу Россету, вдова которого выполнила условия по озеленению, и 17 января 1816 года получила владельческие документы. На исходе 1819 года хутор перешел в собственность к еще одному известному историческому фигуранту, графу Петру Разумовскому⁵⁶.

Соседом Осипа Россета был купец Антон Феогности, а далее, в направлении Фонтана, находился хутор коммерции советника Жана Рено. Прелюдией к продаже первого послужила серия событий, начавшаяся переделом отведенной под все эти хутора земли. 11 июня 1817 года в комитетском журнале отмечено, что у Феогности недостает довольно значительного куска отмежеванной еще в 1804 году площади. Надо разобраться, за счет которого

из двух соседей – Россета или Рено ее компенсировать. Посему Городской думе поручили перемерить и уравнивать участки.⁵⁷

После замужества Н.И. Россет за Арнольди эта недвижимость находилась под контролем полиции в связи с секвестром по конкурсу, учрежденному над несостоятельным купцом Петром Лоде (приятелем и деловым партнером покойного Осипа Россета) – с тем чтобы за счет наилучшего использования улучшать положение малолетних детей покойного Россета, формальных владельцев этого имения. В фонде Одесского строительного комитета сохранилось весьма информативное архивное дело, во всех деталях воспроизводящее суету вокруг этой приморской дачи с немалым фруктовым садом и проч. Из него следует, что власти действительно стремились использовать территорию рационально, блюдя интересы наследников, и в то же время с пользой для города. Арнольди же более искал личной выгоды и в алчном намерении обогатиться за чужой счет готов был использовать любые средства, включая недостойные боевого офицера, дворянина и просто порядочного человека.

24 марта 1819 года ОСК сообщает городовому полицмейстеру С.С. Достаничу: «Некоторым образом известно Комитету, что по случаю наложенного на хутор умершего Россети, принадлежащий теперь вдове его, нынешней полковнице Арнольдовой, ареста, подлежит оный распоряжению полиции насчет приращения с сего имения доходов. В сем хуторе Комитет желает нанять дом для квартирования садовнику Десмету»⁵⁸. Желание понятное, ибо этот видный французский ботаник прибыл к Ланжерону с рекомендательным письмом герцога Ришелье специально для устройства Казенного ботанического сада, обширная территория под каковой была отведена как раз напротив хутора Россет, по правую руку дороги к Малому Фонтану.

Так и поступили. Десмет занял хутор и тут же правильно переустроил запущенный сад и всю территорию. Это дало повод приехавшему в августе-сентябре Арнольди говорить о разорении хутора и чинимом ботаником произволе. Поскольку же город заинтересовался покупкой этой территории, постольку жалобщик начал неумно набивать цену, требуя, помимо прочего, компенсации ущерба за якобы разорительные мероприятия Десмета.

Арнольди хотел получить 42 тысячи рублей за хутор и восемь тысяч «за разорение фруктового сада», итого 50.000. В перечислении убытков он нахален и абсурден.

Комитет в пух и прах разбивает все его сомнительные аргументы. Скажем, назначенная Арнольди помесечная плата 500 рублей аренды за пребывание Десмета «превосходит всякую меру цен», ибо никак не может быть соразмерной найму квартиры в центре города. Никакого разорения не причинено и одичавшему саду, как раз совсем наоборот: оный устроен теперь по всем правилам. Город завален фруктами, цена на которые мизерна, и при этом Арнольди нагло утверждает, что годовой доход от продажи плодов сада на хуторе Россет даже не в самые урожайные годы давал не менее 3.000 рублей. Он же утверждает, будто устройство хутора обошлось в 60.000 рублей, угрожает письмом к императору⁵⁹.

Такое обращение действительно последовало, дело затянулось, монарх не вникал во все обстоятельства, верил на слово заслуженному воину, но велел во всем разобраться по инстанции. Ситуация осложнялась тем, что хутор находился в секвестре. В конце концов, 15 мая 1824 года в Херсонской палате гражданского суда была совершена купчая крепость, согласно которой владельцем хутора Россет стал двоюродный брат графа М.С. Воронцова, генерал-лейтенант Лев Александрович Нарышкин, известный персонаж региональной истории. При этом Н.И. Арнольди продала имение «от своего имени, а не от детей». Вся эта информация содержится в упомянутом архивном деле⁶⁰, где, кроме того, обнаружилось крайне любопытные и ранее неизвестные данные о самом семействе Россет.

Оказывается, что когда Надежда Ивановна Лорер и Иосиф Россет были сговорены, но еще не в браке, Россет тяжело захворал. По случаю болезни он завещал все свое имение невесте и дочери Луизе (получается, от предыдущего брака Россета). Завещание это не было оформлено особым актом, а наподобие маклерской сделки, 22 апреля 1808 года записано в книге одесского городского маклера Ганслера при свидетелях – духовнике и маклере. После выздоровления брак был заключен «того ж 1808 года мая 25 дня», и они жили «по день смерти (Россета. – О. Г.) 10-го числа

декабря 1813 года». На 20 апреля 1826 года в числе «детей, живых от его рода остающихся», – Александра и ее братья.⁶¹ Надо полагать, Луиза к тому времени тоже умерла.

Думаю, эти сведения заинтересуют и даже порадуют исследователей, в том числе пушкинистов.

10.

Однако мы далеко ушли от дома на семи ветрах, тогда как следующий этап его истории чрезвычайно интересен. Начало 1820-х годов ознаменовалось активизацией работ по городскому благоустройству и оформлению границ порто-франко. Строительный комитет заключил ряд серьезных подрядов по шоссированию, мощению, озеленению, дренажированию и проч. Нарастала интенсивность гражданского и портового строительства, стали возводить первые каменные мосты, маяк на мысе Большой Фонтан. Обустроивался Приморский бульвар, ботанический сад, мостили важнейшие транспортные артерии – Херсонский, Карантинный, Ланжероновский спуски, осуществлялись гидрогеологические изыскания. В Одессе сконцентрировались военные инженеры, а с назначением графа М.С. Воронцова новороссийским генерал-губернатором и полномочным бессарабским наместником усилился приток более или менее высокопоставленных чиновников. Накатила новая волна дефицита приличных помещений для их размещения.

Еще граф А.Ф. Ланжерон на исходе своей «каденции», в марте 1822 года, постановил: дом наследников умершего иностранца Поцци, состоящий в Комитете в залоге, передать для помещения штаб- и обер-офицеров, платить за оный Комитету по 6.000 руб. в год. Это здание следовало сдать в ведомство Думы, а для Девичьего пансиона нанять дом надворной советницы Акацатовой. Коллежский советник Кирьяков – опекун над именем Акацатовой – по соглашению с прочими опекунами объявил цену, 5.000 руб. в год. Условия были приняты, контракт заключен на три года, и при этом предусматривались перестройки, в частности «нужное место» (то есть прозаический нужник). Согласно смете, составленной архитектором Ф.К. Боффо, предстояло

издержать 1.661 руб. 50 коп. на переоборудование этого дома и служб⁶². 18 апреля 1822 года директриса Одесского благородного девичьего института Любовь Шедевер (чрезмерно строгая, чтобы не сказать злобная, Эмилия Майе была все же уволена) доложила Комитету о том, что институт переместился из дома Поцци в дом Акацатовой 11 апреля.⁶³

Где он находился и какое отношение имеет к нему Кирьяков? Дом и службы занимали два места на углу улиц Дворянской и Садовой, в тылу упоминавшегося дома Кирьякова, где, как уже отмечалось, институт размещался в середине 1800-х. Участки эти отведены помещику Ольвиопольского уезда надворному советнику (что соответствовало чину подполковника, в каком-то качестве он также упоминается) Акацатову еще в 1804 году⁶⁴. После его смерти часть недвижимости отошла вдове Аграфене Васильевне (этот сюжет нам тут без надобности), а другая – именно интересующие нас строения – дочери, коллежской советнице Марии Николаевне Кирьяковой, урожденной Акацатовой⁶⁵. Теперь понятно, почему Кирьяков значится главным опекуном над ее имением. Весной 1824 года оценочная стоимость этого дома составляла 82.000 рублей, а дохода он давал уже не пять, а шесть тысяч рублей, то есть контракт о найме был пересмотрен и увеличен⁶⁶. Тогда же «дом профессора Поцци» оценен в 35.000 рублей при той же доходности.⁶⁷

Во время пребывания Пушкина в Одессе дом на семи ветрах продолжал находиться в ведении Строительного комитета, и в нем квартировали чиновники. Арнольди с супругой в Одессе давно не жили, а лишь периодически переоформляли контракт о найме в счет погашения взятой покойным Карлом Поззи ссуды. 5 мая 1823 года за ними оставалось еще задолженность 6.369 руб. 84 коп. Прибывшему в город «майору Арнольди» предложили на выбор: либо продлить контракт с Комитетом еще на 2,5 года на прежних условиях, либо немедленно вернуть упомянутую сумму⁶⁸. Судя по всему, меморандум этот уже не застал майора в Одессе, ибо он не отозвался. А в комитетском журнале от 18 августа 1823 года сказано: «Между тем в сем доме квартируют чиновники канцелярии господина градоначальника и Комитета. Они имеют кухни, и потому непременно нужен за ними присмотр во охранение от пожара...». Кроме того, они «имеют лошадей,

и для них заготавливают сено в немалой пропорции...». Над домом витает опасность возгорания. Необходимо запретить чиновникам хранить пожароопасные запасы, решительно требовать бдений полиции, сторожей, трубочистов.⁶⁹

К сожалению, мне пока не удалось проследить последний этап принадлежности «нашего дома» семейству Арнольди во всех деталях, однако это обстоятельство нисколько не путает карты. Из архивных оценочных ведомостей видно, что в 1824 году он остается за ними, используется по тому же назначению и на тех же условиях, то есть по умолчанию они были приняты домовладельцами. Следовательно, уже на 1 апреля 1824-го долг по ссуде составлял только 369 руб. 84 коп., и вскоре Арнольди стали получать живые деньги. Срок контракта на 2,5 года должен был истечь 1 октября 1825 года. Мы не знаем только, сразу же после этого они продали дом со службами и весь участок следующим владельцам или еще один раз продлили срок контракта.

По крайней мере очень похоже, что в мае 1831 года владельцем дома был небезызвестный Жан Рено⁷⁰, барон, крупный предприниматель, казначей Строительного комитета, владелец весьма солидной недвижимости в городе и за его пределами. Вскоре строения и места отошли протоиерею Нестору Святенкову⁷¹, а затем его вдове⁷², которая тоже отдавала его внаем по частям вкуче с различными служебными строениями⁷³. Не позднее 1828 года Святенков «состоял на священнической вакансии при Одесском соборе», был выдающимся проповедником, очень много сделал для организации Дома призрения нищих при Старом кладбище⁷⁴. Недвижимость священнослужителей и их вдов, согласно существовавшим правилам, освобождалась от уплаты налогов.

Дом на семи ветрах оставался во владении «протоиерейши Святенковой» довольно долго, до начала 1870-х⁷⁵, а затем перешел к хорошо известному в исторических анналах семейству Вейнберг⁷⁶. Любопытно, что тогда же Городское девичье училище располагалось напротив, на углу Соборной площади и Гулевой⁷⁷, где ныне 121-я школа. Но это учебное заведение было рангом ниже, нежели обособленный Одесский институт благородных девиц. Впоследствии «наш дом» перешел к небезызвестному семейству Базили.⁷⁸

11.

Подведем итоги. Первые престижные учебные заведения Одессы находились в пределах одного и того же квартала (кварталом тогда называлась вся территория, ограниченная четырьмя улицами, в данном случае Садовой, Дворянской, Коблевской и Соборной площадью), лишь меняя дислокацию – переходя из угла в угол, а то и занимая два угла синхронно. Дом на семи ветрах отмечен уникальным «мемориальным наполнением», в особенности на ранних этапах своего существования. Как благородный пансион он посещался всей элитой, включая городскую и краевую администрацию. В нем воспитывались представительницы многочисленных благородных фамилий города и региона. Как служебные квартиры генералитета и чиновников, а затем офис Одесского строительного комитета он сконцентрировал практически весь цвет юной Одессы, все пушкинское окружение. Невозможно предположить, что посещавший Собор и соседний дом Кирьяковых Пушкин мог миновать «Семь ветров», тем более что там обитала масса знакомцев. Вот лишь краткий перечень историческим персонажам, посещавшим его, служившим, квартировавшим, воспитывавшимся здесь. Ришелье, Рошешуар, Сен-При, Растиньяк, Кобле, Ланжерон, Трегубов, Гурьев, Инзов, Воронцов, Казначеев, Рибопьер, Сабанеев, аббат Николь, братья Фраполли, Ферстер, Потье, Боффо, Дигби, Круг, Шааль, Гаюи, Лехнер, Торичелли, Морозов, Рено, де Рибасы, Шостаки, Ризнич, Лучичи, Давыдовы, Орловы, Волконские, фон Том, Аркудинские, Кирьяковы, Андрияш, Акацатовы, Россеты, Лореры, Арнольди, Сикары, Бларамберги, Дембровские, Андросовы, Протасовы, Авчинниковы, Новиковы, Крамаревы, Амвросио, Инглези, Маразли, Фундуклей, Ралли, Кумбари, Коронелли, Кирико, Левенсоны, Скаржинские, Потоцкие, Нарышкины, Ржевуские, Сабанские, Лопухины, Римский-Корсаков и так далее и так далее. Девичий институт, несомненно, посещали и венценосные особы.

Офис Строительного комитета не могли обойти вниманием все, кто по крайней мере в первой половине 1820-х годов строил дома или промышленные заведения, обустроивал хутора, обращался за утраченными владельческими документами, участвовал в аукционных торгах по заключению подрядов, реализации

недвижимости, просто-напросто платил налог с недвижимости и проч. То есть здесь побывала, что называется, *вся Одесса*. Разве только правое полуциркульное здание на Приморском бульваре и Старая биржа (Дума) могут сравниться с «нашим домом» по наполняемости. Но оба этих объекта построены гораздо позднее, и не могут помнить одесситов первых генераций.

Полагаю, никакие ветра не могут окончательно истребить памяти, если не нашей конкретно, то интегральной, общечеловеческой. Даже на сильно продуваемом месте. И с этим утешительным тезисом – вперед по жизни!

Примечания

¹ ОГИКМ, инв. № К-600.

² Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 621.

³ ГАОО, ф. 44, оп. 1, д. 15. – 71 л.

⁴ Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 622.

⁵ ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 16; К.Н. Смольянинов. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 151.

⁶ Л.А. Черейский. Пушкин и его окружение. – Ленинград: Наука, 1989, с. 193.

⁷ ОГИКМ, инв. № К-602.

⁸ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 96, л. 362.

⁹ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 188.

¹⁰ Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 52, 153, 210, 273, 301.

¹¹ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 191.

¹² Там же, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 139.

¹³ Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 625.

¹⁴ Из прошлого Одессы. – Одесса, 1894, с. 305.

¹⁵ ГАОО ф. 59 оп. 1, д. 96, л. 473-496.

¹⁶ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 147.

¹⁷ Там же, ф. 2 оп. 5, д. 264, л. 136, 208 об. – 209; ф. 59, оп. 1, д. 65, л. 441-442, 578-579; д. 96, л. 473-496.

¹⁸ Там же, ф. 59 оп. 1, д. 75, л. 57-60; д. 96, л. 473-496.

¹⁹ Там же, ф. 2 оп. 5, д. 265, л. 157.

²⁰ Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 625; Из прошлого Одессы. – Одесса, 1894, с. 306.

- ²¹ ГАОО ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 126, 431.
- ²² Там же, л. 444.
- ²³ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 266, л. 223.
- ²⁴ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 274, л. 550-551.
- ²⁵ Там же, л. 532.
- ²⁶ Там же, л. 531.
- ²⁷ Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 703.
- ²⁸ Из прошлого Одессы. – Одесса, 1894, с. 299.
- ²⁹ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 274, л. 531.
- ³⁰ Ю.Н. Гуляев. Братья Арнольди в войне 1812-1814 гг. – Музей-панорама «Бородинская битва»: Материалы II научной конференции. – Москва, 29 апреля 1999.
- ³¹ ГАОО, ф. 44 оп. 1, д. 15, л. 36 об.
- ³² Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 703.
- ³³ ГАОО, ф. 1, оп. 171, д. 22.
- ³⁴ А.О. Смирнова-Россет. Дневник. Воспоминания. – М.: Наука, 1989.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 294-299; Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 420, 523.
- ³⁷ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 180-181.
- ³⁸ ОГИКМ, инв. № К-602; Plan de la ville d'Odessa. – 1814.
- ³⁹ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 266.
- ⁴⁰ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 222-223.
- ⁴¹ В.А. Чарнецкий. Древних стен негласное звучанье. – Одесса: Друк, 2001, с. 108.
- ⁴² Там же, с. 35.
- ⁴³ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 304.
- ⁴⁴ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 165, л. 359-360.
- ⁴⁵ ОГИКМ, инв. № К-436.
- ⁴⁶ ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 186, л. 630-631.
- ⁴⁷ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 281, л. 270.
- ⁴⁸ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 282, л. 421-422.
- ⁴⁹ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 286, л. 328, 329, 330, 331, 332.
- ⁵⁰ Там же, ф. 4, оп. 3, д. 420, л. 2.
- ⁵¹ Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1826 год.

- 52 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 276, л. 255.
- 53 Одесский вестник, 1828, 12 и 16 мая, № 38 и 39.
- 54 ГАОО, ф. 59, оп. 1а, д. 46. – В пяти томах.
- 55 Олег Губарь. Функции Одесского строительного комитета в контексте градостроительства Одессы. Хутора (Дачи). – Дерибасовская – Ришельевская. – Кн. 50. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 6-31.
- 56 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 276, л. 481.
- 57 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 273, л. 448-449.
- 58 Там же, ф. 59, оп. 3, д. 13, л. 1.
- 59 Там же, л. 2, 4, 6, 11-12, 14, 15-18, 19-22, 23.
- 60 Там же, л. 43-44, 55, 59.
- 61 Там же, л. 55, 56 об. – 57 об.
- 62 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 281, л. 271-272.
- 63 Там же, л. 278-279.
- 64 Там же, ф. 59, оп. 1 д. 4, л. 161-162; д. 164, л. 976.
- 65 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 164, л. 975, 977-979.
- 66 Там же, ф. 4, оп. 1а, д. 215.
- 67 Там же.
- 68 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 283, л. 535-537.
- 69 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 284, л. 281-282.
- 70 Одесский вестник, 1831, 6 мая, № 36.
- 71 ГАОО, ф. 4, оп. 8, д. 942.
- 72 Список домам и прочим строениям, состоящим в 1-й части города Одессы, оцененным для платежа полупроцентного сбора с 1848 года, подлежащим и не подлежащим оценке. – Б. м., б. г., с. 35.
- 73 Одесский вестник, 1844, 24 июня, № 51.
- 74 Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 219, 220, 221, 222, 296.
- 75 ГАОО, ф. 274, оп. 1, д. 2, л. 35-36.
- 76 К. Висковский. Путеводитель по городу Одессе. – Одесса, 1875, с. 59, 60; Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 440, 576.
- 77 Там же, с. 59.
- 78 В.И. Фельдберг. Вся Одесса. – Одесса, 1899, с. 33; Вся Одесса на 1911 год, ч. 4, ст. 100.

